



С. Н. ШИДЛОВСКИЙ

ЗАПИСКИ
БЕЛОГО
ОФИЦЕРА

А л е т е й я

Сергей Н. Шидловский
Записки белого офицера
Серия «Русское зарубежье.
Источники и исследования», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51932577

Записки белого офицера:

ISBN 978-5-91419-542-4

Содержание

| | |
|---|----|
| «В боях и походах гражданской войны...» | 6 |
| Глава первая | 11 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

С. Н. Шидловский
Записки белого офицера



«В боях и походах гражданской войны...»

Предисловие

После первых публикаций в СССР и в России воспоминаний участников Белого движения прошло почти 20 лет. Нынешним читателям уже доступны и известны полный вариант «Очерков русской смуты» генерала А. И. Деникина, «Записки» генерала П. Н. Врангеля и считающиеся «классикой жанра» «Дроздовцы в огне» генерала А. В. Туркула (в литературной обработке И. С. Лукаша). Из рассекреченных спецхранов архивов и библиотек, из частных собраний Русского Зарубежья возвращаются к читателям воспоминания сотен участников Белого движения – от генералов и политиков, до «простых обывателей» и бойцов белых армий.

К числу последних относятся и публикуемые «Записки белого офицера» Сергея Николаевич Шидловского (1897–1961).

Автор не стремился выразить в них какую-то «сверхзадачу»: исследовать причины побед или поражений Белого движения, проанализировать особенности военных действий, описать картины «героического фронта» и «гнилого тыла». «Записки» по своей структуре очень похожи на дневник. Правда, в нем нет привычных «начала» и «конца». Отсут-

ствуют как период пребывания автора в Петрограде, после октябрьского большевистского переворота 1917 года, так и «крымский период» 1920 года. Но, несмотря на это, «записки» отнюдь не производят впечатление неполноты и незавершенности...

«Записки белого офицера» – это емкая, цельная хроника того времени. Сдержанно, без литературных изысков, строго следуя фактам, описывает офицер отдельной Гвардейской конной батареи 5-го кавалерийского корпуса Добровольческой армии бои и походы весны 1919 – весны 1920 гг. Перед читателем проходят эпизоды формирования батареи, ее участие в обороне Крыма от советских войск, разгром партизанских отрядов в Керченских каменоломнях, наступление, в ходе «похода на Москву», на брянском и черниговском направлениях.

Следует отметить, что данное направление боевых операций Добровольческой армии еще недостаточно изучено в сравнении, например, с боями под Харьковом или под Курском и Орлом в том же 1919 году. Но оно было не менее важным, поскольку обеспечивало левый фланг наступавшего на Москву 1-го армейского корпуса генерал-лейтенанта А. П. Кутепова, с его знаменитыми «цветными полками» «корниловцев», «марковцев», «дроздовцев», «алексеевцев». Что касается самой конной артиллерии, то от успеха ее боевой работы нередко зависел успех операций всего 5-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Я. Д. Юзефовича, в со-

ставе которого и «сражался с большевизмом» Сергей Шидловский. Автор невысоко оценивает боеспособность своего противника – Красной армии. С точки зрения Шидловского, красные «брали не качеством, а количеством. Это были, скорее, банды, а не войска».

Завершаются «записки» описанием развала фронта осенью 1919 г., страшной эпидемии тифа, унесшей жизни тысяч солдат и офицеров, драматическими сценами эвакуации Новороссийска в марте 1920 г.

Некоторые сюжеты «записок» могут показаться современному читателю спорными, а некоторые, вероятно, – циничными и антигуманными. Это относится, в частности, к описанию сцен т. н. «белого террора». Действительно, весьма часто в «записках» встречается описание «еврейских погромов», а фраза «лучше уничтожить десять невинных, чем выпустить одного виновного» производит впечатление «бесчеловечности» белых солдат и офицеров. Но здесь необходимо учитывать два фактора. Во-первых, основной состав конной батареи, где воевал Шидловский, был из немцев-колонистов, среди которых антисемитские настроения были традиционно сильны. Во-вторых, многочисленные немецкие колонии (по собственной инициативе создавшие в начале 1919 г. отряды самообороны – «Zelbetchutz») подвергались жестоким, постоянным грабежам, насилию со стороны представителей советской власти и, особенно, местных украинских атаманов. Как писал автор: «большую роль часто играла лич-

ная месть – в армии было много солдат из мелких собственников и хуторян, дочиста ограбленных и разоренных, у которых крестьянами в начале революции были вырезаны семьи». Трехдневный еврейский погром в Нежине автор объясняет тем, что «все местные евреи стреляли в нас из домов, причиняя нам крупные потери». Таким образом, террор становился ответом на террор. Здесь уже невозможно было различить «правых» и «виноватых». Это, увы, жестокая правда «русской смуты» начала прошлого столетия...

Есть и еще один весьма характерный элемент повествования. Сергей Шидловский – гвардейский офицер-монархист и для него отказ от провозглашения монархических лозунгов, неопределенный лозунг «непредрешения» означает одну из основных причин поражения Белого движения. Несколько раз в своих «записках» он отмечает излишний «демократизм» белого командования, стремление подстроиться под «завоевания революции», признать их прогрессивность, нередко вопреки «здравому смыслу». Свой тезис Шидловский подтверждает указанием на то, что практически все административные должности в белом тылу занимались «демократами», не имевшими должного административного опыта. Между тем, большинство источников показывает как раз обратную картину. Главнокомандующий Вооруженных Сил Юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин постоянно отмечал явное нежелание старых чиновников идти работать в структуры гражданского управления.

Но, не взирая на этот факт, предпочтение при назначении на должности, например, губернаторов, как правило отдавалось «бывшим» управленцам, с «дореволюционным» стажем. Достаточно субъективен Шидловский и в оценке командующего Добрармией генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского, повторяя расхожий, в то время, взгляд о «генерале-алкоголике», позорившем Белое дело, главном виновнике отступления белых от Орла и Курска.

Производит впечатление и сцена восстановления «нарушенных прав собственности». Вернувшись в родовое имение, Шидловский собирает сельский сход, на котором без обиняков заявляет: «большевики, может быть, вернуться, но рано или поздно их не будет, и владельцами земли останемся мы, и с нами им (крестьянам – В. Ц.) придется разговаривать».

В тексте встречаются небольшие неточности (например, в написании географических пунктов), но в целом, перед нами – интересный, содержательный источник, дающий возможность представить еще одну грань истории Белого движения в России, почувствовать трагизм положения его участников – русских офицеров-патриотов, вынужденных участвовать в кровавой гражданской войне.

В. Ж. Цветков, главный редактор альманаха «Белая Гвардия», кандидат исторических наук.

Глава первая

Петербург – Добровольческая Армия. Формирование батареи (ялтинский период, мелитопольский период). Отступление от Мелитополя до Акманая. Акманайские позиции

31 июля 1918 года я уехал из Петербурга с последним делегатским украинским поездом. В эти поезда, предназначенные для вызываемых на Украину украинских подданных, нелегально попадали также офицеры, стремившиеся, подобно мне, покинуть совдепию. Такие поезда сопровождались советскими комиссарами до станции Орша (пассажирской), границы советской России. Комендант поезда, в котором я ехал, был бывший офицер Лейб-гвардии N-ского полка¹, производства военного времени, который, очевидно, знал о существовании нелегальных пассажиров и все время обещал нам скорый и благополучный переезд через границу.

Через 26 часов мы прибыли в Оршу, где первое, что нам сказали, было то, что сейчас же будут осматривать багаж и

¹ Некоторые названия соединений и географических пунктов расшифровать по рукописи невозможно. (прим. ред.)

вслед за этим нас пропустят через границу. Вышло не так. Очевидно, большевистские комиссары пронюхали, что едет много нелегалов, и поэтому стали затягивать наше дальнейшее следование. Два дня мы простояли на запасном пути, окруженные красноармейцами; возникли слухи, что весь поезд будет возвращен в Москву для обследования пассажирских документов. На третий день явились досмотрщики билетов, но нас так и не выпускали. На следующий, четвертый, день все бывшие в поезде офицеры сговорились перейти границу пешком. Потихоньку вылезли мы, кто как мог, из вагонов и отправились к местному представителю Украины, от которого получили точные указания времени, когда быть на переходном пункте, а именно когда комиссар уходил обедать, а его заместитель – старый таможенный чиновник – пропустил нас без всяких разговоров.

Нас радушно встретили немцы и отвели отделение в первом отходящем в Киев поезде. Из Киева я уже беспрепятственно переехал в Харьков, где прожил, числясь студентом университета, тщательно скрывая свое офицерское звание, до петлюровского переворота. За это время мы с братом побывали в Знаменовке, имении нашей тетки баронессы Фредерикс, находившемся в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Жизнь там была как бы прежняя, но в сущности все были настороже, боясь нападений и ограблений. Засим встретили в Екатеринославе полковника Лейб-гвардии конного полка Перфильева, который обещал дать мне

знать, когда он отправится в Добровольческую армию, где мы могли бы вместе служить. Наконец, побывали в Урезове, где были сложены вещи, вывезенные из нашей усадьбы, и перевезли их в Харьков. Когда в Харькове настало такое положение, что начали искать офицеров, их мобилизовывать и арестовывать, и со дня на день ожидали большевиков, а немцы покидали Украину, я решил уехать в Добровольческую армию. Оттуда получено было письмо от Перфильева, уведомлявшего, что он уезжает на днях и что моя батарея формируется в Ялте. Последствием был отъезд нас обоих в Феодосию, где проживали Куломзины, наш дядя и дед. Начиная с Лозовой и до Мелитополя, где в это время были уже Добровольческие части, на каждой станции петлюровцы проверяли наши документы и осматривали вещи.

В Феодосии мы пробыли две недели и выехали в Ялту тотчас по получении известий, что меня зовет к себе на службу полковник Трепов, в то время командир Гвардейской конной батареи. Брат мой, не достигший в то время на целый год призывного возраста, ехал с тем, чтобы приступить на службу совместно со мной, в чем его горячо поддерживали дед и дядя. Приехав в Ялту, нашли там своих офицеров: Трепова, Лагодовского, барона Фитингофа, Арсеньева, Косова, Кривошеина и Лауница. Апрельев был командирован в Новороссийск за людьми и обмундированием. Перфильев и Родзянко – в Одессу за пушками.

Батарея в то время состояла из 15 оставленных немца-

ми лошадей, 6 человек нижних чинов, 2 пулеметов, 4 старых немецких повозок, кухни, нескольких винтовок и старых, рваных немецких мундиров. Она стояла в Ореанде в казармах Крымского конного полка. Каждое утро офицеры сами убирали лошадей, и только через неделю прибыли еще 7 человек нижних чинов. В Ореанде ни у кого из нас не было денег, и мы питались из котла кашей и хлебом. Противно было ходить в Ялту и смотреть на тамошние рестораны и кафе.

В начале января 1919 года нам было приказано перейти для формирования в район Мелитополя. «Батарея» двинулась: в авангарде на кухне мой брат Илиодор, принятый в нашу батарею добровольцем-вольноопределяющимся, за ним четыре запряженных повозки, два офицера верхом, все солдаты и остальные офицеры пешком «в прикрытии» сзади, ведя вповоду трех самых плохих лошадей, из которых одна пала по дороге. В Севастополе нас ожидал полковник Котляревский, привезший нам вместе с Перфильевым и Родзянко пушки. В тот же день батарея погрузилась в поезд и уехала. Ехали мы до Мелитополя семь дней. Оказалось, что надо быть боеспособным через неделю, так как банды Махно становились все нахальнее.

После ухода немцев в немецких колониях образовался «Zelbetchutz». Всего было 16 рот: 8 менонитских и 8 лютеранских и католических. Командовали почти всеми ротами оставшиеся на Украине германские унтер-офицеры.

Командовали, надо сказать, прекрасно, умели держать людей в руках. Покровительствовал впоследствии этой организации генерал Шиллинг, который в помощь немцам прислал два полка: Мелитопольский и Бердянский и небольшое количество артиллерии, в числе которой должна быть наша батарея. Трепов был назначен начальником гарнизона и комендантом города Мелитополь. Всеми вооруженными силами от Днепра до Верхнего Токмака командовал сперва недолгое время генерал Тилло, затем его заменил генерал Шиллинг. Перфильев командовал вооруженными силами Прбской, Гальбштадской и Гнодентской волостей, т. е. всем немецким Зелбетшутцем; ему непосредственно подчинялась и наша батарея. Все добровольческие части в пределах вышеуказанных волостей состояли на иждивении колонистов, которые безвозмездно их обеспечивали всем необходимым для жизни.

По приезде в Мелитополь поступила к нам масса добровольцев – студентов, гимназистов и др., удравших от большевиков с Украины. Кроме того, нам прислали людей, силою мобилизованных из окружающих русских деревень. Во всех этих деревнях небольшая кучка большевиков держала в страхе остальных, которые не смели добровольно идти на мобилизацию к нам. Потому часто эти мобилизации проходили при помощи вооруженной силы. Сверх всякого ожидания эти люди оказались потом отличными солдатами. Там же были получены в очень небольшом числе лошади – толь-

ко под орудия. Тогда же прибыл из Новороссийска Апрель с незначительным количеством старых, рваных английских шинелей. Вслед за сим я был командирован командиром гвардейской артиллерии генералом Безкорниловичем в Севастополь для приема и отправки в Мелитополь орудий, снарядов, патронов и всякого рода артиллерийского имущества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.